

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ, В НИХ ЖИВУТ И... ПОБЕЖДАЮТ

Человек, о котором пойдет речь, мог бы преподавать новейшую историю России на примере собственной биографии. При этом Герою труда Кубани Петру Прокофьевичу Чубову некогда писать мемуары. Он, блестящий (оттого и стал опальным) хозяйственник в роковые 80-е, и сегодня на коне. Его уникальный опыт и знание сельскохозяйственной отрасли признаны продвинутой в аграрном бизнесе нынешней молодежью. Он из тех, кого нельзя отнести к тому или иному поколению. Он из поколения победителей, но это уже другое измерение.

Деникин со станции Кормовая

— В Сальских степях, на границе с Калмыкией, есть село Кормовое, — рассказывает Петр Прокофьевич. — Сегодня

умирающее, а когда-то богатое. История возникновения почтовой станции Кормовая на торговом пути из Азии на Кавказ и на Украину традиционная: тянулись в бескрайней донской степи подводы на волах, остановились на ночлег — станция Приютная, случилась поломка — вот вам станция Ремонтная, нужен отдых людям и корм скоту — станция Кормовая. С отменой крепостного права сюда потянулась украинская беднота, тогда из стана и выросло село. Мой прадед двумя подводами с семьей приехал из Полтавской губернии. Так род Деникиных пустил корни в донской земле.

Почему Деникиных? Я сам узнал о том, что прожил жизнь в приемной семье под чужой фамилией, только семь лет назад. Меня разыскали сестры. Они, зная правду, но соблюдая уговор двух семей, не сразу решились на поиски. И вот в 2003 году, когда покати́л восьмой десяток, я обрел родню. Дело было так. Родился я в голодном 1930-м и был шестым ребенком в семье. Через полтора года умирает мать, отец остается с голодной оравой мал-мала меньше — старшему брату было десять лет. Вот тогда и сговорились отдать меня бездетной семейной паре, судя по всему дальним родственникам — мои деды и в родной и в приемной семьях носили фамилию Деникины. Сегодня, с высоты лет, можно по-разному оценивать поступок отца, но он тем самым спас мне жизнь.

Чувствовал ли я, что родители приемные? Никогда! Семья простая, трудовая, крестьянская, мои приемные родители в высшей степени были людьми добрыми, любящими, они бы не задумываясь отдали за меня жизнь. Поэтому у меня и мысли не возникало, хотя какие-то слухи, пущенные доброхотами, доходили — это я потом уже вспоминал. Отец Прокофий Николаевич был чабаном и даже местной знаменитостью: один на все село получил орден Трудового Красного Знамени. Пройдя всю войну, вернулся израненный и в 1948-м умер. Мама Мария Сазоновна жила с моей семьей уже в Каневском районе, увидела внуков и правнуков.

«Родился я в рубашке...»

— Так сложилась моя судьба, — продолжает Петр Прокофьевич, — что иначе как родившимся в рубашке меня не назовешь. Несколько раз я был на волосок от смерти — и каждый раз люди ли, обстоятельства спасали. Так, в 43-м мать спасла меня от голода, отдав в подпаски. Как только немцев отогнали, колхозники вернули стада и отары из-за Волги. У чабанов какой-никакой, а прокорм был, человек двадцать вокруг котла с затирухой усаживались. Вот какое было время: мясо ходило рядом, а мы от ветра шатались, траву ели. Это когда там овцу зарежут, по кусочку мяса перепадет!

А в 1946 году отец успел и судьбу мою определить. Соседский хлопчик учился в сельхозтехникуме. Подошло время ему на учебу ехать. Отец отвез меня с ним на станцию Дивную (там я в первый раз поезд увидел), дал в дорогу кусок хлеба, в холстину завернутый, из одежды — фуфайку да картуз: езжай, сынок, учись. Слава Богу, в техникуме недобор случился, меня и приняли.

Тут мне в очередной раз повезло: за парты в 1946 году сели фронтовики. Для нас, пацанов, это была настоящая школа жизни. Принципы справедливости — друг за друга в огонь, закон братства — последним куском поделись, внутренней порядочности — подлости, низости прощения не было — усваивались именно там. Надо ли говорить, что студенческая жизнь после полуголодной и тяжелой крестьянской показалась мне раем! Учился я с таким пылом (да все мы тогда так учились!) — одну книгу по очереди до дыр зачитывали, преподавателям проходу не давали, тяга к знаниям была необычайная...

Я доучился до красного диплома и отправился покорять Москву в ветеринарную академию. Нас с другом как отличников принимали без экзаменов, надо было только документы вовремя сдать. Но пока провинция добралась до столицы, пока через весь город доехала... В общем, на два часа мы с документами опоздали, вместо нас приняли таких же мальчишек с Дальнего Востока.

Ветер века мог и не той страницей шевельнуть...

Кто знает, может быть, великий мудрец Омар Хайям этими словами пытался унять горечь от ударов собственной судьбы или предостерегал других? Как бы там ни было, но мой собеседник хоть и не был знаком с поэтом поэтов, но судьба его отдает той же горчинкой, и надо взрастить в себе очень высокую душу, чтобы стать выше обиды на жизнь.

Год вынужденного перерыва Петр Чубов работал в родном селе на ферме, добирал трудовые университеты. Пропадал на работе от зари до зари, торопясь узнать на практике все. Первые лекции в Новочеркасском зооветеринарном институте легли на подготовленную почву. Но тут опять вмешался случай: подхватил студент очень опасное заболевание — бруцеллез, видать, от больной коровы выпил некипяченого молока. Болезнь дала о себе знать ознобом, высокой температурой только через некоторое время. Чуть живого мать забрала Петра Чубова домой, в институте ему оформили академический отпуск. К Новому году он только начал вставать с постели. Свое выздоровление иначе как чудом не называет, в те годы это была верная смерть. Так пропустил еще год.

— Как я оказался на Кубани? В 1956 году, после окончания института с красным дипломом, получил свободное распределение, была возможность остаться на кафедре, заняться наукой. Но я уже был женатым человеком, и мы с женой решили вить гнездо у нее на родине, на Кубани, в станице Староминской. Здесь я проработал восемь лет, в том числе и главным ветврачом района. После укрупнения

районов (три — Староминский, Брюховецкий, Каневской — укрупнили в один) возглавлял ветслужбу, затем управление сельского хозяйства уже Каневского района.

В 1975 году на 11 лет Петр Прокофьевич принял Каневской район в качестве первого секретаря райкома партии. Те, кому сегодня «за...», помнят, что в партийные времена «первый» был действительно первым, в смысле главным, и отвечал за все — от урожаев и надоев до морального облика какого-нибудь завскладом. Каневской район в 80-е годы гремел на всю страну, здесь было все самое-самое, одним словом — школа передового опыта во всем. Чубов строил животноводческие комплексы, школы, больницы, дороги к каждому хутору и ферме. В Каневском районе добивались скачка урожайности колосовых от 17—20 центнеров с гектара до рекордных 48 центнеров, какие и сегодня не всем по плечу, ломали устаревшие технологические цепочки, отсекая лишние затратные звенья — так было с вывозом зерна от комбайна на ток. А капельное орошение пришло на Кубань не из Италии или Израиля, первыми ввели его на выращивании овощей каневчане.

— Но сначала, — рассказывает Петр Прокофьевич, — мы со специалистами съездили в Донецкую область, где капельный полив уже повсюду применялся. Кстати, посоветовал мне это Дементий Красюк, тогда главный редактор «Советской Кубани». Будучи в нашем районе, он рассказал об опыте украинских овощеводов. Мы тут же собрались и солидной делегацией — человек сорок — поехали. Встречали нас очень радушно. Это было целую жизнь назад.

Синдром Деточкина

Сюжет фильма про Деточкина взят из жизни. Он списан с руководителя 70—80-х годов. Потому авторы фильма не стали врать и освобождать своего героя прямо из зала суда. Они провели правду жизни до конца, посадили его, несмотря на сочувствие судей и слезы зрителей. За «экономические преступления» сидели сотни идеалистов, решивших построить коммунизм раньше всех.

Партия власти использовала свои возможности на всю катушку, чуть что карая выговорами вплоть до исключения. Судьбу человека могли сломать в один момент. Причем чаще всего карающий меч опускался как раз на талантливых и ярких, на тех, кто выделялся, отрывался от послушного большинства.

А отрываться приходилось, выбивая запчасти в Москве, договариваясь о стройматериалах в главке. Чиновники и в те времена любили хорошо покушать, а за возможность сделать выбор между разумным, хозяйским решением и спущенной сверху дутой цифрой приходилось платить. Все про все знали, но преступлением это называлось, если звучала команда «Фас!». Первый раз она прозвучала в отношении начальника управления сельского хозяйства Каневского райисполкома П.П. Чубова в 1972 году: он получил выговор на бюро крайкома партии. Дело касалось планов по закупкам сельхозпродукции колхозами и совхозами. Следуя им, нужно было вымести из хозяйств все подчистую, не давая колхознику головы поднять. Второй раз Чубова уже как первого секретаря «выбили» в 1988 году.

«Он ставил перед собой благородные цели...»

...а потом работал как утюг...». Это строки из показаний человека, проходившего в качестве свидетеля по делу Чубова. В 1988 году первый секретарь Каневского райкома партии был обвинен в получении взяток, хищении общественной собственности и злоупотреблении служебным положением. В деле

фигурировали все те же удобрения любой ценой, выбивание фондов и материалов для строительства, кормов для животноводства. Те, кто давал команду, сами понимали всю абсурдность происходящего. Вскоре краевой суд вынес оправдательный приговор «за недоказанностью преступлений», а через год новый суд — и обвинения были сняты полностью. Позже его даже восстановили в рядах КПСС. Но слушок: зря, мол, 13 месяцев невинного держать под стражей не станут — остался...

А ведь эти месяцы нужно было прожить. И пережить скандальный слух после славы заслуженной. Только самые верные друзья, ученики и семья были рядом. «Я всем все давно простил, — говорит Петр Прокофьевич. — Время все расставило по местам, но с этим клеймом я жил 15 лет, вплоть до 2003 года».

Когда уже новое руководство края, новое поколение аграриев признало вклад Чубова в развитие края, а губернатор А.Н. Ткачев присвоил ему звание Героя труда Кубани. Реабилитация проходила в Каневском районе, в том самом Дворце культуры, который строился в бытность Чубова первым секретарем райкома партии. «Это меня подняло, — признается Петр Прокофьевич, — и дало силы работать. Когда спрашивают о трудовом стаже, то эту цифру, зашкаливающую за полвека, и называть неудобно».

В 1992 году в крае была создана Ассоциация переработчиков молока, бессменным ее председателем является Петр Прокофьевич Чубов. Сегодня Ассоциация объединяет 22 молокозавода и решает серьезную социальную задачу, удерживая цену на социально значимый продукт, увязывая интересы производителей, переработчиков и торговли, во имя интересов нас, потребителей. Кроме того, ассоциация держит планку качества, профессионалы-технологи, которые «знают о молоке всё и больше», отслеживают технологию переработки этого капризного продукта на молокозаводах края.

...Несмотря на опыт и почтенный возраст, Петр Прокофьевич постоянно учится, поддерживает связи с кубанскими, московскими учеными и вообще, интересуется людьми, жизнью. Не завидовать молодым, а успевать за ними — вот девиз счастливого человека в... 80 лет!

Источник: Чуцкова Л. Времена не выбирают, в них живут... и побеждают : о Петре Прокофьевиче Чубове // Вольная Кубань. – 2010. – 16 июня.